

А.В. Подгорский

АНГЛИЙСКИЕ МЕМУАРИСТЫ XVII ВЕКА: БАЛЬСТРАУД ВАЙТЛОК

Исследуется жанровое и художественное своеобразие «Мемуаров» Б. Вайтлока – видного политического деятеля трех «эпох» английской истории: Революции, Республики и Реставрации.

дневник, мемуары, политическая жизнь, Реставрация, художественное своеобразие.

В энциклопедии «Британика» Бальстрауд Вайтлок (1605–1675), крупный политический деятель времен Карла I, посол в Швеции периода Республики, активный участник событий, предшествовавших Реставрации, автор «Мемуаров», охватывающих события в Англии с 1625 по 1660 год и увидевших свет в 1682 году, назван «истинным даиэристом». Четыре тома записей этого выдающегося человека, будто бы не предназначавшихся для печати, но опубликованных так скоро после его смерти, представляют собой, с нашей точки зрения, историческую хронику с элементами дневника, в которой очевидно стремление автора к предельно бесстрастному фиксированию событий, ход которых отчасти им же определяется, стилем ясным, легким, чуждым всякой аффектации, а порою и строго деловым.

Первая запись Б. Вайтлока датирована (на полях рукописи) 27 мартом 1625 годом: «Король Карл Первый унаследовал трон своего отца, короля Якова: сразу же после смерти последнего собрался Тайный совет и принял декларацию, провозглашающую Карла королем; она была немедленно оглашена в Табольде, где скончался король, и в Лондоне в присутствии высшей знати, членов Государственного совета, джентри, лорд-мэра и олдерменов в обстановке величайшей торжественности; подобным образом дело обстояло и в других местах, и повсюду новость вызывала самое искреннее ликование людей всех сословий.

Советом была подготовлена прокламация, подтверждающая полномочия большой государственной печати, малой и всех других до момента изготовления новых; ею же сохранялись полномочия за членами судебной палаты, мировыми судьями, шерифами и всеми другими государственными чиновниками, оказавшимися без юридических прав со смертью короля: действие ее распространилось на Шотландию и Ирландию.

Тело короля Якова с величайшей торжественностью было захоронено в Вестминстере; его сын – король Карл, вопреки обычаю, присутствовал на похоронах.

Герцог Бекингем неожиданно для всех стал самым влиятельным фаворитом короля»¹.

В первом томе «Воспоминаний о событиях в Англии от начала царствования Карла Первого до Harry Restoration короля Карла Второго» конкретные обозначения дат встречаются редко, повествование в нем ведется не по дням, как это было бы в дневнике, а по сути происходящего, обозначаемой автором подзаголовками на полях: «Роспуск парламента», «Прокламация против папистов», «Поражения флота», «Буйство чумы в Лондоне». «Чума все еще свирепствует в Лондоне с такой силой, что за неделю умирает 5000 человек; кроме того, она распространилась и по деревням. Многие семьи вымерли полностью: и хозяева, и дети, и прислуга. Из опасения заразиться люди, покупающие что-либо на рынках, рассчитываясь, бросают деньги в специальный сосуд с водой, откуда их и берут затем продавцы...» (Т. 1, с. 5).

Продолжая данную запись, Б. Вайтлок оказывается способным удивить читателя своей необычной для авторов мемуаров и дневников манерой повествования в тех случаях, когда у него возникает необходимость сказать что-то о самом себе: «...When the plague was somewhat assuaged, and there died in London but 2500 in a week, it fell to judge Whitlocke's turn to go Westminster-hall to adjourn Michaelmas term from thence to Reading; and accordingly he went from his house in Buckinghamshire to Horton near Colebrooke, and the next morning early to Hyde-Park corner, where he and his retinue dined on the ground, with such meat and drink as they brought in the coach with them, and afterwards he drove fast through the streets, which were empty of people, and overgrown with grass, to Westminster-hall: where the officers were ready, and the judge and his company went straight to the King's Bench, adjourned the court, returned to his coach, and drove away presently out of town» (Т. 1, с. 5).

Именно в третьем лице он будет писать о себе в подобных случаях и в дальнейшем. Что же касается примет чумы, то в их передаче он точен: они не изменятся и спустя сорок лет, в 1665 году, когда о ней будут рассказывать С. Пипс и Д. Эвелин, Д. Рерисби, а позднее Д. Дефо.

«Коронация»: «Коронация монарха была проведена с обычными церемониями и торжественностью епископом Лодом; только вот королевская мантия была белой, поскольку – по слухам – не нашлось пурпурной ткани» (Т. 1, с. 6).

Уже в записях, относящихся к 1625 году, Б. Вайтлок демонстрирует наблюдательность (он замечает все необычное, выходящее за рамки привычного), и стремление к точности там, где это оказывается возможным (благодаря «Сводкам смертности», например: «День Благодаренья был введен, чтобы умиловить чуму. В Лондоне и пригородах в этот год умерло 54 265 человек, из которых 35 417 унесла чума» (Т. 1, с. 6)), и умение легко обходиться без цифр и дат там, где их у него нет.

¹ Memoirs Biographical and Historical of Bulstrode Whitlocke, Lord Commissioner of the Great Seal, and Ambassador at the court of Sweden / Ed. by R.H. Whitlocke. L., MDCCCLX. Vol. 1. P. 1. (Далее отсылки на данное издание даются в тексте с указанием в круглых скобках номера тома и страницы.)

«Обручение нашего короля с сестрой короля Франции было освящено в Париже кардиналом Ришелье с должной торжественностью. Бэкингом был послан во Францию, чтобы доставить королеву сюда. На флагмане королевского флота она прибыла в Дувр, где король встретил ее. С большим почетом и ко всеобщей радости они въехали в Лондон, однако из-за чумы пришлось отменить все церемонии и торжества» (Т. 1, с. 2).

С первых страниц повествования обращает на себя внимание нарочитая бесстрастность автора, умеющего обходиться без эмоций и комментариев личного характера в девяноста девяти случаях из ста: рассказывает ли он о претензиях короля к парламенту или парламента к королю, о попытке монарха получить юридическое право именоваться «королем Великобритании» (ему было отказано, как прежде его отцу), об отправке Карлом Первым кораблей под Ла-Рошель и о возмущении английских моряков-протестантов, саботировавших приказы герцога Бекингема, возглавлявшего экспедицию против французских гугенотов. Некое подобие комментария Б. Вайтлок позволяет себе лишь по поводу провального похода английского флота совместно с голландским сначала в Dunkirk, где «двадцать два моряка вместе с пехотинцами навели страху на Англию и Ирландию», а затем в Кадис, где они по неизвестным причинам сначала упустили испанские корабли, находившиеся в бухте, а затем, высадившись на сушу и захватив форт с запасами испанского вина, так перепились, «что погубили все дело». По возвращении в Англию генерал, несколько полковников и кое-кто из моряков предстали перед комиссией. Одним из самых внимательных читателей Б. Вайтлока станет английский историк XIX века Джон Ричард Грин, автор «Истории Англии и английского народа», о чем свидетельствует сопоставление, например, главы третьей из восьмой части его работы «Король и парламент 1623–1629» с первыми десятью страницами первого тома мемуаров XVII века.

Записи кануна Реставрации (октябрь – декабрь 1659 года, январь – май 1660 года) выдержаны в дневниковой манере и рассказывают о событиях равно важных и для Англии, и для автора. В обстановке крайне обострившейся Борьбы за власть, полной анархии и неразберихи, после смерти великого Кромвеля и отрешения Ричарда Б. Вайтлоку приходится начать действовать. Двадцать восьмого октября в Лондоне состоялось первое заседание так называемого комитета безопасности (The committee of safety), в работе которого свое почти вынужденное участие Вайтлок объясняет необычайно эмоционально и обстоятельно: он не может и не хочет допустить, чтобы у власти оказались исключительно военные, которые наверняка начнут править при помощи меча, попирая права и свободы граждан, что может привести к опасным последствиям в целом для страны. «Для предотвращения всего этого и максимального соблюдения законности происходящего я счел возможным принять сделанное мне предложение и согласился на беседу с ними в назначенном месте, где был встречен с большим почтением». Комитет, армия, офицеры, Монк, письма – ключевые слова дальнейшего повествования, из которого «выпадает» запись от тридцать первого октября 1659, обнаруживающая еще одно свойственное Б. Вайтлоку и столь редко встречающееся у политиков его уровня качество – объективность в оценке от-

дельных коллег по «цеху»: «31 (Октября). От лихорадки умер Бредшоу, промучавшись целый год; это был отважный человек и прекрасный знаток своего дела; отнюдь не друг монархии» (Т. 4, с. 368).

В трех строчках записи заключена трагедия действительно «отважного человека» и явно «no friend of monarchy». Судья из графства Чешир Джон Бредшоу (провинциал!) в январе 1649 года, когда Лондон покинули самые опытные юристы (дабы не участвовать в разработке процедуры суда над королем) и отказались исполнять свои прямые обязанности верховные судьи Генри Ролл, Оливер Сент-Джонс и Джон Уилд, взял на себя смелость занять пост председателя высшей палаты правосудия, чтобы объявить 27 января того же года, что упомянутый Карл Стюарт, как тиран, изменник, убийца и публичный враг, присуждается к смертной казни через отсечение головы от туловища, и первым ставит свою подпись под приговором (Оливер Кромвель подпишет его третьим). Вызывает удивление тот факт, что в ноябре 1659 года соратники Бредшоу, уже заставившие отказаться от власти Ричарда Кромвеля и занятые подготовкой возвращения на родину Карла Второго, сочтут возможным похоронить главного «цареубийцу» в усыпальнице английских монархов: апартаменты в Уайтхолле он сменит ненадолго на более скромные и столь же почетные в Вестминстерском аббатстве. Верность убеждениям и принципам Д. Бредшоу оплатит сполна после смерти: 4 декабря 1660 года парламент проголосует за постановление, предписывающее извлечь из могил в аббатстве тела Кромвеля, Айртона и Бредшоу, выставить на всеобщее обозрение, а затем сжечь. Тридцатого января 1661 года в Тайберне на глазах у многотысячной толпы хорошо бальзамированные тела бывших героев и кумиров повисели на виселицах с девяти утра до шести вечера (как об этом свидетельствует Д. Эвелин), после чего были обезглавлены, сожжены и захоронены в глубокой яме у подножия «позорного монумента». За происходящим вместе с леди Баттен наблюдала и жена С. Пипса – Элизабет. Оказавшись в Вестминстере 5 февраля сам Сэмюэль Пипс увидит «головы Кромвеля, Бредшоу и Айртона, выставленные в дальней части холма». Голова Бредшоу действительно находилась в центре, он председательствовал и здесь, на Вестминстерском холме. И последнее: головы великого Кромвеля и отважных Бредшоу и Айртона будут оставаться на шестах без малого 30 лет, то ли до 1684, то ли до 1688 года.

Ничего подобного не могло произойти с Б. Вайтлоком, которого историки называют в числе тех наиболее опытных юристов, которые в спешке покинули Лондон в конце декабря 1648 года, как только стало известно о постановлении палаты общин создать комитет для рассмотрения запроса о том, каким образом король может быть привлечен к судебной ответственности. Вайтлок бережет себя от всякой опасности: будь то чума или участие в крайне рискованном политическом процессе, при этом он по достоинству оценивает человека совсем иного «толка» – Джона Бредшоу, умеющего рискнуть собственной головой.

Собственно дневниковое повествование в «Воспоминаниях» Б. Вайтлока лишено той связности, которая свойственна их хроникальной части, но сохраняет прежнюю ясность и легкость стиля, чуждого синтаксической усложненности и риторической приукрашенности. Свообразна и манера ведения дневника ав-

тором: после общего заголовка, например «Ноябрь 1659», следуют даты без обозначения месяца, с крайне редкими в этой части пропусками отдельных дней. Первого ноября, вернувшись к делам, он сообщает о том, что «комитет безопасности» назначил Флитвуда, Вэйна, Лэдлоу, Солвея и Тичбурна членами другого комитета, «призванного исполнять функции правительства для трех наций, то есть республики, и представил его комитету безопасности. Вэйли и Гоффи, Кэррил и Бэркер, министры отправлены к Монку ознакомить его с настоящим положением дел для предотвращения возможного кровопролития», после чего считает необходимым дословно воспроизвести «указ комитета, принятый в среду, первого ноября 1659» в Уайтхолле и подписанный Вильямом Робинсоном, о назначении «хранителем большой печати Англии лорда Вайтлока» (Т. 4, с. 368–369), а затем и те, что будут скреплены им собственноручно этой печатью – только в ноябре их будет четыре. О себе он пишет в третьем лице, наравне с другими, когда ведет речь о комитете или комиссии, в состав которых включен: «16. Переговоры были продолжены с участием трех представителей от Монка и трех от Флитвуда; и по некоторым пунктам они достигли соглашения. Было решено, что комитет девятнадцати должен быть создан; пять представителей от Англии, гражданских лиц: Вайтлок, Вэйн, Лэдлоу, Солвей и Берри; и пять от Шотландии...; остальные – от Англии, Шотландии и Ирландии – исключительно военные» (Т. 4, с. 374).

В конце 1659 года его, как и многих в тот напряженный момент, занимают вопросы государственные: выполнит ли генерал Монк поставленную перед ним задачу, не захочет ли он, войдя во вкус, занять пустующий трон, удастся ли избежать при осуществлении реставрации монархии кровопролития и новой гражданской войны, будет ли созван парламент и кого он станет поддерживать и т.д. О частном, личном Б. Вайтлок не пишет ничего, словно и нет его. Лишь в обстоятельствах без преувеличения экстраординарных, когда речь заходит о жизненно важном для даизриста выборе, он позволяет себе проявление некоторой доли эмоциональности и изменяет былой бесстрастности и лапидарности в повествовании:

«Декабрь 1659. 22. ...Флитвуд спросил меня, могу ли я предложить какой-нибудь другой выход из создавшегося положения; я ответил, что можно сделать следующее: Флитвуд должен немедленно отправить надежного человека к королю в Бреду и дать ему надежные гарантии восстановления его на троне, при этом нужно все сделать так, чтобы у короля не было возможности отказаться; для этого необходимо самым тщательным образом проинструктировать того, кого Флитвуд сочтет способным выполнить столь важное поручение.

Флитвуд спросил меня затем, не соглашусь ли я выступить в роли такого посланца; я ответил, что готов, если Флитвуд посчитает это нужным. После обсуждения ряда проблем, связанных с этим решением, Флитвуд, как мне показалось, окончательно утвердился во мнении направить меня к королю и даже велел мне, не теряя времени, готовиться к поездке, пока Флитвуд с друзьями готовят все необходимые мне документы, чтобы я мог отправиться уже сегодня вечером или ранним утром завтра.

Выходя от Флитвуда, я столкнулся с Вейном, Десбороу и Берри, направляющихся переговорить с Флитвудом; словно о чем-то догадываясь, они просили меня не уходить раньше них; я сразу же понял, чем закончатся их переговоры; где-то через четверть часа Флитвуд сам вышел ко мне и, находясь в чрезвычайном возбуждении, выпалил: «Я не могу сделать этого, я не могу сделать этого». Я пожелал выслушать его доводы в пользу нового решения. Он объяснил: «Эти джентльмены кое о чем напомнили мне; они правы, я не могу предпринимать подобных шагов, не посоветовавшись с лордом Ламбертом».

Я ответил, что Ламберт далеко, слишком далеко, чтобы помочь нам советом в деле, не терпящем отлагательства.

Флитвуд в который раз повторил: «Я не могу сделать этого без него». На что я сказал: «Вы подвергаете серьезной опасности себя и своих друзей». Он ответил: «Это выше моих сил». После чего я сказал ему, что меня ждут неотложные дела, и на том мы расстались» (Т. 4, с. 382–383).

Приведенная обширная цитата является частью самой пространной записи в дневнике Б. Вайтлока и, с моей точки зрения, не только дает представление о возможностях его как писателя (я намеренно оставил в переводе переходящее из строки в строку «Флитвуд», «Флитвуд». – А.П.), но и позволяет увидеть и услышать этого, не теряющего достоинства в ситуации критической государственного мужа, прошедшего «огонь» (монархия), «воду» (республика) и сохраняющего ясный разум перед «медными трубами» (упраздненный Кромвелем парламент), делающего верный выбор из двух «зол»; грозящая ему опасность и в самом деле серьезна: «27. Я получил возможность убедиться в справедливости моих худших предположений: и в том, что старый парламент вновь будет созван, и в том, что он осудит мою работу в комитете безопасности; мне рассказали, что Скотт и Невил вместе с другими грозились предать меня казни; по мнению Скотта, меня нужно вздернуть с большой печатью на шею; впрочем, я и раньше знал, что Скотт страшно зол на меня после наших с ним ожесточенных споров о порядке проведения выборов в парламент: все это заставило меня всерьез задуматься о собственной безопасности» (Т. 4, с. 384).

«30. ...мне передали, что многие из членов палаты требуют, чтобы меня допросили и отправили в Тауэр; во избежание неприятностей я уехал к одному из своих друзей в провинцию» (Т. 4, с. 386).

К событиям конца декабря 1659 года Б. Вайтлок вернется в записи начала января 1660 года:

«3. Прежде, чем уехать из города, я поручил моей жене отнести большую государственную печать спикеру, что она и сделала: печать поместили в футляр, закрыли, а ключ она оставила ему. Кроме того, жена сожгла целую кипу бумаг, хранившихся у меня, что не позволяет мне расширить данное повествование» (Т. 4, с. 386–387).

Жена Б. Вайтлока в ситуации критической выполнила его поручение и наверняка не без его ведома сожгла какие-то официальные бумаги. Благодаря этому читатель узнал, что она у даизриста есть, даже узнал какая она: надежная, исполнительная, способная на поступок ради безопасности мужа. Правда, она лишила его

при этом «источников» для дневника (но когда же ей было думать об этом?) и заставила проговориться (перед читателем), сказать хоть что-то о том, как создавались «Воспоминания». Мы можем догадываться, что за «бумаги» были сожжены: случайно или нет, но в записях последующих пяти месяцев 1660 года (январь – май) даиэрист не приведет дословного текста ни одного распоряжения или письма, хотя словами, открывающими абзацы в дневнике, чаще всего являются именно слова «распоряжение», «письмо», «письма»; из четырнадцати выделенных автором абзацев на 390-й странице, включающей записи за 20, 21, 23, 24, 25 января, шесть начинаются со слова «письмо», а еще четыре со слова «распоряжение».

Опасения Б. Вайтлока по поводу того, что генерал Монк займет освобожденное место Кромвеля, оказались напрасными, но он ни разу не признается в этом, бесстрастно фиксируя продвижение армии – гаранта восстановления королевской власти и упразднения «старого парламента»: «Январь 1660».

«25. Письма о том, что Скотт и Робинсон, направленные парламентом к Монку, встретили его в шести милях от Лестера и что войска Монка приветствовали их оружейным салютом и колокола звонили повсюду, где проходил Монк, а дворянство дружно приветствовало его; Монк спешил и приветствовал представителей парламента и отправился с ними в их карете в Лестер, где их ждал ужин; посмотреть на них собралась огромная толпа горожан, и Монк был очень обходителен с посланцами. Мэр и олдермены устроили обед в честь Монка» (Т. 4, с. 390–391).

«28. Письма о прибытии Монка вместе с представителями парламента в Нортгемптон, где около сотни джентльменов вручили Монку прошение обеспечить выборы свободного парламента; на что он ответил, что его полномочия ограничиваются лишь военной помощью парламенту, а столь важные государственные дела являются прерогативой исключительно самого парламента; он поблагодарил их за оказанные ему почести. Четыре тысячи фунтов выделены для того, чтобы отправить их королю. Обращения к Монку на всем пути его следования поместного дворянства графств с той же самой просьбой, что и в Нортгемптоншире» (Т. 4, с. 391).

«Февраль 1660»: «4. ...Монк со своими солдатами вошел в Лондон и расположился в приготовленных для него в Уайтхолле апартаментах. Спикер встретил его на Странде: Монк спешил, спикер вылез из кареты, они обнялись, расцеловались и были чрезвычайно любезны друг с другом» (Т. 4, с. 393).

«6. В Англию из-за моря вернулось много роялистов, которые открыто и почти без всяких сомнений говорят повсюду об очень скором возвращении на родину и самого короля...» (Т. 4, с. 393).

Б. Вайтлок, как это часто бывает, завершает свои «Воспоминания» дневниковыми записями; в заключительной части его труда почти совпадают время описываемых событий и время работы над мемуарами, хотя и здесь определенный «разрыв» между «временами» ощущается. Бывший лорд-хранитель государственной печати в 1659–1660 годах «ведет» дневник государственных дел; подобно образцовому даиэристу, он описывает события по мере их развития, основываясь в первую очередь на всякого рода официаль-

ных бумагах, не допуская проявления эмоций, не обнаруживая откровенных симпатий или антипатий и лишь изредка позволяя себе в чем-то усомниться. В его «Воспоминаниях» или «Хронике дел...» запечатлено обычное «общезначимое», а «всякое» личное сведено к минимуму. Автор сознательно избирает если и не позицию стороннего наблюдателя, то, по меньшей мере, «позу» человека, знающего все наперед. Именно «знание» развязки событий, с нашей точки зрения, позволяет Б. Вайтлоку оставаться бесстрастным летописцем даже тогда, когда, казалось бы, есть все основания проявить страстность. Заведомое знание исключает эмоции и позволяет даиэристу удерживаться на уровне «голых» фактов, представлявшихся ему важными. Особенно очевидным своеобразие «дневника» Б. Вайтлока становится при синхронном рассмотрении отдельных записей из его «Мемуаров», из «Дневника» С. Пипса и «Календариа» Д. Эвелина за одни и те же месяцы, предшествующие возвращению Карла Второго в Англию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Evelin, J. The Diary of John Evelin. Now first printed in full from the manuscripts belonging to Mr. John Evelin and edited by E.S. de Beer [Text] : In 6 vol. – Oxford : Clarendon Press, 1955.
2. Pepys, S. The Diary of Samuel Pepys. A new and complete transcription [Text] : In 11 vol. / Ed. by R. Latham, W. Matthews. – L. : Bell & Hyman, 1971–1983.
3. Whitelocke, B. Memorials of the English Affairs from the beginning of the Reign of Charles the first to the Happy Restoration of the King Charles the second by Bulstrode Whitelocke. A new edition, in four volumes [Text]. – Oxford : University Press, 1853.
4. Whitelocke, R.H. Memoirs Biographical and Historical of Bulstrode Whitelocke, Lord Commissioner of the Great Seal, and Ambassador at the court of Sweden [Text]. – L., 1860.
5. Барг, М.А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. [Текст] : моногр. – М. : Мысль, 1991.
6. Григорьев, А. Воспоминания [Текст]. – Л. : Наука, 1980.
7. Грин, Дж.Р. История Англии и английского народа [Текст]: моногр. / Дж.Р. Грин. – М. ; Жуковский : Кучково поле, 2005.

A.V. Podgorskiy

ENGLISH MEMOIRISTS OF THE 17th CENTURY: B. WHITELOCKE

The article centers on the genre and artistic originality of «The Memoirs» by B. Whitelocke – an outstanding politician of three «epochs» of English history: Revolution, Republic and Restoration.

diary, memoirs, political life, Restoration, artistic originality.

